

ИСТОРИЮ ПИШУТ ЛЮДИ

*Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть.
Она, как сила, нам нужна...*

Много написано о героических подвигах на полях сражений Великой Отечественной войны, но мало сказано о тех, кто находился за спинами наших солдат на фронте и в тылу, о ежедневных трудовых подвигах. Сколько их, известных и безымянных героев, прошло тяжкими дорогами войны? Мы продолжаем публиковать воспоминания о войне связистов-железнодорожников.

■ **Зоя Яковлевна Алексеенко** родилась 23 ноября 1923 г. Перед войной она работала в доме отдыха Аллюминиевого завода в поселке Стуглево Волховского района. Когда по радио пронеслась страшная весть о нападении фашистской Германии, сердце девушки сжалось от страха за свою страну. Всеобщее горе подняло небывалую волну патриотизма, никто не оставался равнодушным, и стар и млад вставали на защиту Родины. Зоя с братом не поехали с эвакуированным заводом на Урал, а записались добровольцами на фронт.

После принятия присяги Зою определили в банно-прачечный батальон. Военская часть была сформирована в Торфопоселке города Волхова. Батальон двигался по линии фронта: Матеево, Кути, Речка, Черепушки, Сланцы, Нарву, Таллин, Хапсаалу, затем был переброшен в Пярну.

Вот что вспоминает Зоя Яковлевна о своей службе «...Начались мои фронтовые будни. Наш батальон в составе 500 человек постоянно передвигался по частям и соединениям дивизии. Основная работа заключалась в стирке белья. Оно с фронта доставлялось тоннами. Зачастую приходилось работать сутками, стирать и в ветер и в холод, под свист пуль, взрывы и дымовую завесу, под проливным дождем. Порой отогревали замерзшие ноги горячей водой, заливая ее в ботинки. Уставали страшно. Пальцы на руках не сгибались и не разгибались. Выходных не было, их стали давать только тогда, когда погнали немцев. Но мы, солдаты-прачки, стойко

Зоя Яковлевна Алексеенко

переносили все эти трудности, на судьбу не роптали. Стирала в лоханках из четырех досок каустической содой, хотя мыла было вдоволь, но сода лучше отстирывала кровь. От нее руки сначала блестели, а потом все до локтей трескались. Для смазки рук выдавался солидол. Всю войну мы были в «человеческой крови». Стирала одежду с раненых бойцов, в которой находили даже человеческие останки, на это было очень страшно смотреть. Дети скоблили белье, мы чистили, бутилили (дезинфицировали). Двигаясь за линией фронта, нам приходилось жить и стирать в землянках, шалашах, а порой самим сооружать жилье из подручного материала. Воду для стирки носили из речек. Заледенелыми руками собирали в лесу дрова для разжигания котлов. Сказать, что в суровое, голодное время молодой девчужке приходилось туго,

мало. Порой после стирки огромной кучи кровавого белья, когда от усталости стучало в висках и ноги отказывались стоять, нужно было охранять постиранное белье и вагоны, в которых прачечный батальон передвигался».

Но будни бойцов банно-прачечного батальона заключались не только в стирке. Замполит Екатерина Осипова проводила занятия по стрельбе из винтовки. Еще до войны Зоя научилась красиво шить и вышивать, этому она обучила и девчат из отряда. Они шили рубашки солдатам из парашютов, делали на них красивые вышивки. Также девушки участвовали в самодеятельности, для солдат они пели песни, играли на гармошке, плясали. На одном из таких концертов она познакомилась с будущим мужем – лейтенантом Иваном Алексеенко. Это была любовь с первого взгляда.

Не забывала Зоя Яковлевна и про своих родителей, которые остались в тылу с младшими детьми, им жилось очень тяжело. Чтобы хоть немного помочь семье, она пересылала им деньги и справки об освобождении от налогов. Сама же довольствовалась малым.

День Победы застал Зою Яковлевну в городе Пярна. По радио объявили, что война закончилась. Все стали радостно кричать, сколько было радости, солдаты стреляли в воздух. Люди не могли поверить, что этой каторге пришел конец и они смогут жить мирной жизнью, от которой не осталось даже воспоминаний.

До 1980 г. Зоя Яковлевна работала электромонтером поездной радиосвязи в Волховстроевской дистанции сигнализации и связи.

И сейчас, будучи на пенсии, Зоя Яковлевна бодра и энергична, занимается вышивкой, сюжеты которой придумывает и рисует сама, по-прежнему очень любит шить. У неё замечательная творческая семья. В доме всегда звучит музыка, играет гармошка, пианино, поются песни. Дочь Галина сочиняет стихи, из которых многие посвящает своей героической маме. Главный принцип семьи Алексеенко – жить так, чтобы быть нужным! У Зои Яковлевны уже 5 внуков и 7 правнуков, которые её очень любят и берегут.

За долгие годы работы, добросовестный и доблестный труд Зоя Яковлевна награждена медалями «Георгия Жукова», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За оборону Ленинграда», «В честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады», знаком «Фронтовик 1941–1945 гг.», «В память 250-летия Ленинграда», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», медалями к 20, 30, 40, 50, 60, 65-летию Победы в Великой Отечественной войне и орденом Отечественной войны II степени.

■ **Мария Кузьмовна Дуняшева** родилась в Кировской области в многодетной семье. Её отец поехал на заработки в Ленинград в 1936 г., где работал на строительстве домов и предприятий. Незадолго до начала войны он получил собственную квартиру и перевёз туда всю свою большую семью.

Когда началась блокада, Маше едва исполнилось 10 лет. По ее словам, в начале войны Ленинград бомбили изредка, поэтому дети часто гуляли на улице. В то время в город нередко забрасывали парашютистов-шпионов для провокационных действий на заводах и предприятиях. Мария Кузьмовна вспоминает: «Был интересный случай в августе 41-го. Однажды к нам на улице подошёл незнакомый мужчина, угостил шоколадом и стал расспрашивать, где можно снять уголок комнаты. Насторожило то, что у нас говорили не «снять уголок комнаты», а «можно снять угол в квартире?». Меня и ещё одну девочку незаметно отправили позвонить в милицию и сообщить о постороннем незнакомом человеке. Милиция приехала быстро, его арестовали и увезли в

Мария Кузьмовна Дуняшева

отделение. Он не оказывал никакого сопротивления».

К осени все школы были заняты под госпитали, поэтому Маша вместе с одноклассниками ходила к учительнице домой. Так как к сентябрю немцы подошли совсем близко к городу, обстрелы участились, и пришлось прекратить учёбу. Первое время от бомбёжек прятались в бомбоубежищах, а когда сил не стало – пересаживали в квартиру. С началом холодов квартиру отапливали буржуйкой, на дрова шла мебель из разрушенных домов.

В это суровое и тяжёлое время все выживали как могли. Есть хотелось постоянно, норма хлеба на работающего человека – 250 г, иждивенец получал по 125 г. Маша вместе с отцом и старшим братом были истощены, сил, чтобы ходить и разговаривать, не было. Вскоре мужчины умерли от голода и холода, девочку же спасла эвакуация на большую землю.

Её с родственниками вывезли в эвакуацию в апреле 42-го – в последние дни Дороги жизни на Ладожском озере. Лёд на озере уже покрылся водой, некоторые машины уходили под него вместе с людьми. Так как всех вывозили под бомбёжками, другим машинам нельзя было останавливаться, и ничем помочь им было нельзя.

Навсегда в памяти Марии Кузьмовны остался один момент: «Я открыла глаза и вижу, что мама шьёт платье из белого материала в цветочек. Поняла, что это мне на смерть. Сил у меня говорить и ходить не было. Только через год я спросила у мамы про это платье. Мама подтвердила и сказала, что шила его для того, чтобы я жила.

Есть такая примета: при тяжёлых болезнях родные шьют платье на смерть для близкого человека. В организме больного человека происходит перелом болезни, и больной начинает выздоравливать».

Из блокадного Ленинграда семьёй Марии Кузьмовны перевезли в родную деревню. Спустя семь лет они переехали в г. Кизел Пермского края. Мария устроилась на работу в Кизеловскую дистанцию сигнализации и связи (в настоящее время Березниковская) учеником морзиста в цех телеграфа. Она постоянно повышала уровень образования на курсах от предприятия. После окончания техникума Министерства связи в 1972 г. перешла работать механиком в ЛАЗ, где проработала до выхода на пенсию.

Мария Кузьмовна награждена медалями «60, 65 лет Блокады Ленинграда», «300-летие Санкт-Петербурга» и многими другими. Её имя записано в Книге Памяти ЦСС.

■ **Сибирячка Екатерина Ивановна Пужинина** в своей семье была восьмой из 12 детей. Отец ездил на стройки по всей стране, все тяготы по хозяйству и уходу за детьми ложились на мать. Жили и холодно, и голодно.

После школы в 1941 г. Катя поступила в ученики наборщика типографии, а затем перешла работать наборщиком.

Началась война. Работать и жить было тяжело, а при такой трудной и вредной работе легко можно было заболеть чахоткой.

В 1942 г. объявили набор в железнодорожную школу фабрич-

Екатерина Ивановна Пужинина

но-заводского обучения (ФЗО) г. Омска, куда поступила и Екатерина Пужинина. Она попала в группу монтеров связи, морзистов, в которой было всего пять девочек, а остальные мальчики. Кроме того, в ФЗО готовили машинистов, слесарей, путейцев и вагонников. Получать профессию им приходилось быстрыми темпами за 5 месяцев. После окончания их распределили по местам работы. Так началась трудовая деятельность Екатерины Ивановны в Ишимской дистанции сигнализации и связи. Новым работникам выдали спецодежду, пояса, когти и направили в восстановительную летучку связи.

В марте 43-го их отправили в двух вагонах на фронт. В одном вагоне находились девушки, в другом – парни. В Омске прицепили еще восемь вагонов – восстановителей. Летучка была направлена в Ворошиловград (ныне г. Луганск). В то время шли ожесточенные бои за Сталинград, поэтому ехали южными дорогами долго, пропуская тех, кто важнее и нужнее – грузы для фронта, воинские эшелоны с бойцами. Но настроение связистов было «что надо»!

По-настоящему Екатерина Ивановна встретила с войной, когда их поезд переехал Волгу: «От домов кругом одни трубы торчали, да детишки худенькие с огромными глазами вокруг бегали. Здесь и довелось нам услышать звуки воздушных тревог и отбой. Затем мы приехали в Ворошиловград в Управление дороги. Там все летучки распределили по разным станциям дороги. На нашу долю выпала узловая станция Купянск».

Всяческими путями со светомаскировкой ребята продвигались до места назначения. А там их уже встретили бомбежкой немцы. И так каждый день. Станция Купянск была разгрузочной, постоянно разгружались воинские эшелоны. С платформ сгружали танки, вагоны освобождали от воинских грузов, снаряжения и воинских подразделений. Связистам в такой обстановке делать было нечего. На станции не было ни столбов, ни семафоров, но в действительности железная дорога жила, так как все обустройства, в том числе связи, находились под землей. Только один оборотный круг паровозного депо на виду –

его не спрячешь. Узел работал: путейцы непрерывно укладывали путь, движенцы двигали составы для фронта. Связистов-морзистов назначили строить подземный узел связи с такими накатами, чтобы не могла пробить многотонная бомба.

Советские войска шаг за шагом шли вперед к победе. Екатерина Ивановна была и под Изюмом, где руководитель их летучки Максим Миныч, ставший за время войны и учителем и отцом в одном лице, был серьезно ранен. Станция Изюм, попавшая под налет, горела, рвались вагоны с воинскими грузами и снарядами. Зарезо было видно в Купянске, до которого было 40 км. Утром в госпиталь было страшно зайти: все раненые, среди которых был и Максим Миныч, почерневшие. Только на третий день подали вагоны для их погрузки. Но поезд с ранеными снова попал под бомбежку, и восстановители вмиг «осиротели».

Домой Екатерина Ивановна вернулась в декабре. После возвращения с фронта ее направили на учебу в дорожную школу, окончив которую, она снова стала работать в восстановительной летучке. Позже – телефонисткой в Доме связи станции Ишим.

Вся трудовая деятельность Е.И. Пужининой связана с железной дорогой. Продолжили династию железнодорожников в семье Екатерины Ивановны и сын с внуком: они оба стали машинистами. За безупречный и добросовестный труд она награждена медалью «Ветеран труда».

■ **Василий Тимофеевич Ефимчик** родился в Белоруссии в 1926 г. После ее освобождения в 44-м молодого человека призвали в ряды Красной Армии и сразу отправили на фронт. Там Василий Тимофеевич освоил должности стрелка, пулемётчика и снайпера. Защищал Родину и освобождал оккупированные территории.

Войска 3-го Белорусского фронта, где служил Василий Тимофеевич, освободили города Литвы и вплотную подошли к границе с Германией. Ветеран вспоминает: «Боеприпасов к тому времени не осталось, армия выдохлась. Но границу перешли – нас немцы не ждали. Помню, в дом войдешь, жителей нет, а на плите еда еще

Василий Тимофеевич Ефимчик

горячая. Был приказ ничего не брать – ведь всякого ожидали, еда могла быть отравлена».

В.Т. Ефимчик участвовал в штурме Кёнигсберга, перебегая через улицы с 70-килограммовым пулемётом на плечах и укрываясь в разрушенных домах. Велись бои за каждую улицу и каждый дом. Был приказ командования раненым не падать, а добираться до укрытий, так как шёл сильный обстрел с обеих сторон. При штурме здания областной больницы Василий Тимофеевич получил тяжёлое межрёберное ранение с повреждением костей, но, не оставляя свой пулемёт «Максим», продолжал бой. Ночь он провел в завоёванном здании, а утром на повозке его отправили в медсанбат. Это было 8 мая 1945 г. По улицам Кёнигсберга шли строем немецкие солдаты без оружия. Это была Победа, которую Василий Тимофеевич встретил в госпитале. После войны по рекомендации командования он поступил в Пушкинское радиотехническое училище, а оттуда его направили на Сахалин в полк противовоздушной обороны.

После увольнения из военно-воздушных сил Василий Тимофеевич вернулся в Калининград и начал работать электромонтёром в Калининградской дистанции сигнализации и связи.

Василий Тимофеевич награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За взятие Кёнигсберга», а также отмечен множеством благодарностей и почётными грамотами.

*По материалам,
предоставленным ЦСС*

В ПЕРВЫЕ ЧАСЫ И ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

■ Тревожной была ночь на 22 июня 1941 г. В два часа из оперативного пункта милиции на станции Ивацевичи начальнику линейного отдела милиции Брест-Литовской железной дороги А.Д. Красильникову по телефону доложили, что в районе станции Берёза-Картузская с неизвестного самолёта обстрелян состав скорого пассажирского поезда, следовавшего из Москвы в Брест. Чтобы не задерживать поезд, он дал указания об эвакуации убитых, раненых и их багажа на станцию Берёза-Картузская.

Практически сразу со станции Жабинка пришло сообщение об отсутствии связи с Брестом.

А тем временем Брестский вокзал еще продолжал жить своими обычными заботами. Среди пассажиров, дожидавшихся утренних поездов, было несколько групп командированных военнослужащих. Связисты 74-го авиационного полка под командованием старшины П.П. Баснева ехали в Пружаны за пополнением. Военнослужащие 291-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, которые везли партию сапог в свою часть, ожидали поезд на Высокое. Задержались на вокзале и красноармейцы 66-го укрепрайона во главе с политруком Ф.Л. Зазирным, а также команда летчиков Борисовского летного училища.

Интересным свидетельством последних мирных часов Брестского вокзала является письмо Владимира Витвицкого, отправленное 21 июня в 12 часов с почты вокзала и чудом дошедшее по назначению. Своей матери, Анне Александровне, он писал, что находится в командировке и в Бресте оказался проездом с группой старшины Басова (видимо, так отправитель письма переименовал фамилию Баснева). Судьба автора этих строк не установлена.

Заместитель политрука батареи противовоздушной обороны 394-го стрелкового полка К.М. Борисенко вспоминал, что в агитпункте было много военных, которые посмотрев кинофильм, расположились на ночлег. Многие еще не спали, когда

Брестский вокзал в начале 40-х гг. XX века. Вид с Граевской стороны

с воем самолётов, пролетавших над городом, западная сторона озарилась вспышками и грохотом артиллерии. Все выбежали на привокзальную площадь, не понимая, что происходит. Кто-то из военных предположил, что это начались манёвры Белорусского военного округа. Но когда снаряды стали рваться в городе, все поняли, что это совсем не так.

В ту ночь на станции дежурил диспетчер Алексей Петрович Шихов. В 3 ч 45 мин он спустился к дежурному по станции и убедился, что все нормально. Затем из кабинета главного диспетчера безрезультатно попытался вызвать Управление дороги в Барановичах. Только сказал об этом механику по связи, как вдруг услышал взрыв и через открытое окно увидел горящие казармы Северного городка. Потом начался обстрел вокзала.

Начальник Брестского гарнизона, командир 28-го стрелкового корпуса генерал-майор В.С. Попов и начальник штаба корпуса полковник Г.С. Лукин в боевом донесении от 8 июля 1941 г. командующему 4-й армией генерал-майору А.А. Коробкову докладывали:

«В 4 ч 15 мин 22.06.1941 г. противник с укороченных дистанций неожиданно открыл сосредоточенный беглый артиллерийский огонь (не менее 4–5 артполков) по районам: крепость, Северный городок и Южный городок, переноса затем отдельными орудиями и батареями огонь по городу. Одновременно

подверглись интенсивной воздушной бомбардировке Северный и Южный городки, вокзал Брест и район станции Жабинка».

О том, что происходило на Брестском вокзале в последующие часы и дни, написать довольно сложно, так как свидетельства участников событий, порой, очень сильно противоречат друг другу. Авторы книги «Брестский железнодорожный вокзал – западные ворота страны» считают, что было бы нечестно закрывать на это глаза. Вот, например, рядовой милиции Л.В. Кулеша рассказывает о безумной посадке беженцев на последний поезд, который по приказу начальника линейного отделения милиции А.Я. Воробьева отправили из горящего города на восток. В то же время дежурный диспетчер А.П. Шихов говорит только о паровозе с двумя стрелками, отправленном по распоряжению начальника отделения дороги Л.Д. Елина для проверки пути до Жабинки.

Или другой пример: милиционеры рассказывают о жарком бое на подступах к вокзалу. Однако согласно воспоминаниям заместителя начальника линейного отделения милиции В.М. Яковлева получается далеко не такая героическая картина.

Вполне понятно желание участников событий и особенно людей, готовивших публикации их воспоминаний, приукрасить произошедшее. Однако авторы книги о Брестском вокзале с самого начала

П.П. Баснев

А.П. Шихов

А.Я. Воробьев

видели свою задачу не в создании легенды, а в максимальном приближении к исторической правде, пусть даже вопреки сложившейся традиции или занимательности изложения.

Прежде чем приступить к рассказу об обороне вокзала, давайте вспомним, как создавалась история этой обороны. Впервые о героизме защитников вокзала писатель С. Смирнов узнал из книги воспоминаний известного немецкого диверсанта Отто Скорцени. Во время своей очередной поездки в Брест в 1955 г. писатель попытался разыскать защитников вокзала, расспрашивая железнодорожников, работавших в Бресте до войны. Так появилась запись рассказа Алексея Петровича Шихова. Это было первое свидетельство участника событий, которые происходили на вокзале в июне сорок первого.

После выступления С. Смирнова по радио с рассказом об обороне Брестского вокзала к нему стали приходить письма других участников этих событий. В результате появился очерк «Брестский вокзал» с героическими подробностями, которых нет в записи беседы с А.П. Шиховым. К сожалению, далеко не все из них могут быть признаны достоверными.

При всем уважении к замечательному человеку и писателю Сергею Сергеевичу Смирнову, благодаря которому мир узнал о подвиге защитников Брестской крепости и Брестского вокзала, мы не можем согласиться с некоторыми деталями его рассказа. Например, он описывает, как защитники вокзала из подвальных окон обстреливали гитлеровцев, рискнувших появиться на платформах. Такие действия бойцов подвального гарнизона сомнительны, поскольку эти окна были встроены в поверхность

перрона. Чтобы прицельно выстрелить, защитнику подвала пришлось бы почти по пояс высунуться из своего убежища.

По всей видимости, картина обороны была такой: немцы без особых помех закрывали окна листами железа, бросали вниз гранаты, лили воду, а защитники отстреливались из глубины подвалов, не давая противнику проникнуть внутрь. Именно так рассказывает о тех событиях А.П. Шихов.

Примерно через двадцать лет после первых рассказов участников обороны вокзала появилась документальная повесть Л. Гречневой «Брестский вокзал», написанная по воспоминаниям милиционеров. Именно в этих воспоминаниях было названо имя начальника линейного отделения милиции А.Я. Воробьева.

Очень сложно разобраться в таких пластах противоречивых воспоминаний. Предоставим это историкам. За основу повествования о том, что происходило на вокзале в первые часы и дни Великой Отечественной войны, возьмем рассказ А.П. Шихова, записанный писателем С. Смирновым в 1955 г. Это рассказ диспетчера, дежурившего в ночь начала войны, а затем на протяжении девяти дней остававшегося в подвале вокзала и вышедшего из него одним из последних. Кроме того, это самый первый рассказ об обороне Брестского вокзала. А.П. Шихов рассказывает то, что помнит, а С. Смирнов записывает то, что слышит, еще ничего не приукрашивая. Некоторые факты дополнены воспоминаниями другого железнодорожника – начальника Брестской дистанции сигнализации и связи М.П. Мартыненко с добавлением необходимых пояснений.

Мы остановились на том, что из окна своего кабинета на втором

этаже вокзала Алексей Петрович увидел горящие казармы Северного городка.

– Мы смотрели с диспетчером Ширшовым график и спрятали за шкаф. Бегали то вверх, то вниз. Пробежали через вокзал, через ресторан, потом обратно. Людей нет. Потом вышли на перрон, – продолжил он рассказ. – В начале восьмого появились начальник отделения Елин и старший диспетчер Иванов. Только уехал паровоз с двумя стрелками на Жабинку чтобы проверить путь, по перрону пустили пулеметную очередь и бросили три гранаты. Раненых Елина и начальника отдела кадров Соболева подобрали, побежали на другую сторону к зданию милиции и потребовали у начмила оружие. Заряжая выданные наганы, увидели немцев с автоматами. Пришлось отступить к вокзалу...

Поясним, что оружие железнодорожники могли получить в здании, располагавшемся к западу от вокзала на Граевской стороне. Сейчас здесь размещается дистанция лесозащитных насаждений.

– И тут со стороны города прибежало примерно 25 бойцов с известием о том, что немцы с другой стороны (очевидно Московской). Все вместе спустились в подвал вокзала, где было уже много пассажиров и солдат. Это было в начале девятого, а в 10 часов немцы уже заняли вокзал и приказали под страхом смерти немедленно выходить. Вышла половина людей: пассажиры и железнодорожники. Солдаты решили остаться. Ночь провели относительно спокойно, обсуждая, что делать. Ночью появились старший лейтенант, политрук и старшина, – вспоминал П.И. Ширшов.

Вот как запомнился этот эпизод Михаилу Петровичу Мартыненко:

Л.Д. Елин

– Собравшись вместе, выяснили, что у нас действовало самостоятельно две группы. Объединившись в одну, мы на так называемом «военном совете» решили сражаться до последнего патрона. На совете кроме меня было шесть человек. В их числе поездной диспетчер Алексей Шихов, старшина Павел Баснев, лейтенант Николай, один человек лет 45-ти в военной гимнастерке и желтом кожаном пальто, фамилию которого не помню, и еще два младших командира.

Здесь нужно сказать несколько слов о том, что представляют собой подвалы Брестского вокзала. Это довольно запутанный лабиринт из помещений общей площадью около 1 тыс. м², которые находятся с трех сторон здания: с Граевской, восточной и Московской. Под центральным залом подвалов нет.

Со стороны привокзальной площади тянется узкий коридор, от которого в направлении реки Мухавец отходят две огромные трубы диаметром почти в рост человека. Возможно, это часть системы водоотвода. Существует легенда, что в царские времена из подвалов был прорыт ход к Волынскому форту. Однако, как рассказывает старейший работник вокзала Владимир Васильевич Финцклер, эти трубы уже никуда не вели и были засыпаны буквально в десятке метров от входа.

На восточной стороне через подвалы проходит капитальная стена, которая делит их на две части. Меньшая часть с Граевской стороны в довоенные годы предназначалась, по всей видимости, для технических целей – здесь находилась котельная. С Московской стороны, очевидно, располагались «чистые» помещения складов.

Возможно существованием

М.П. Мартыненко

этой капитальной стены и объясняется малопонятная нестыковка воспоминаний участников обороны вокзала. А.П. Шихов и М.П. Мартыненко вспоминают начальника, который выдавал им наганы. Но в той части их воспоминаний, которые относятся к обороне подвалов, о начальнике нет ни слова. В свою очередь в воспоминаниях милиционеров фактически нет ничего о лейтенанте Николае и старшине Басневе. Может быть, как раз из-за капитальной стены произошло разделение защитников вокзала на две группы?

Судя по рассказам А.П. Шихова и М.П. Мартыненко, военнослужащие и железнодорожники во главе с лейтенантом Николаем Шимченко и старшиной Павлом Басневым оказались в подвалах с Граевской стороны. Тогда с Московской стороны должны были находиться милиционеры под командованием А.Я. Воробьева. Правда, в этой стене, как говорит В.В. Финцклер, был небольшой лаз. Возможно, защитники подвалов просто не нашли его в темноте?

Но вернемся к рассказу А.П. Шихова.

– Немцы с утра начали подходить к дверям, требуя сдачи, но командиры поставили бойцов и каждого срезали. На второй день минут на 40–50 пустили не то дым, не то газ. Дышали через намоченные в баке для отопления платки. Немцы пробовали гранаты бросать, но углы нас спасали.

На третий-четвертый день с разных сторон начала поступать вода. Поскольку в подвале несколько отсеков с перегородками, вода заливала их последовательно, а люди отступали и отстреливались.

Согласно рассказам милиционеров на четвертый день (25-го июня) из подвалов вышла группа А.Я. Воробьева. Рядовой линейного отде-

П.И. Ширшов

ления милиции Н.С. Ярошик вспоминал, что в этот день они вместе с Лебедевым и Силиверстовым прорвались на Граевскую сторону и вышли из окружения. В тот же день с наступлением темноты вырвались из подвалов А.Я. Воробьев, И.М. Холодов, А.С. Артеменко, Н.М. Янчук, А.С. Филимоненко и М.С. Добролинский.

В связи с этим свидетельством возникают очередные вопросы. Если милиционеры выходили из подвалов на Граевскую сторону, значит они прошли через расположение группы лейтенанта Шимченко и старшины Баснева. Почему одни вышли, а другие остались? Почему ни одни, ни другие не вспоминали о действиях других групп, когда рассказывали об обороне подвалов С. Смирнову и Л. Гречневой?

Группа защитников вокзала, которую возглавляли лейтенант Шимченко и старшина Баснев, оставалась в подвалах еще несколько дней. На что они рассчитывали – голодные, продрогшие, в крошечной темноте, по пояс, а то и по горло в воде? Возможно, они слышали гул боев в Брестской крепости и надеялись на скорый приход Красной Армии? Но с каждым днем эта надежда таяла...

М.П. Мартыненко вспоминал, что 29 июня к нему подошли два красноармейца. Один из них высказал предположение, что от вокзала к реке Мухавец существует водосливная канализация, по которой можно выбраться из подвала. Взяв трофейный парабеллум, они пошли на разведку. Часа через три они вернулись ни с чем. Никакого подземного выхода из подвала не оказалось.

По воспоминаниям А.П. Шихова, на восьмой день пошли в разведку старший лейтенант, политрук и старшина. Была слышна

перестрелка, после которой их уже никто не видел.

Вода была уже по горло. Решили сдаваться. Сначала вылезли на перрон двое гражданских, пошли через пешеходный мост и их не задержали. Но когда начали выходить остальные, по ним открыли огонь и взяли в плен. Военных отделили и отправили на Тересполь.

А вот как рассказывал о выходе из подвалов Михаил Петрович Мартыненко:

— Около 10 часов утра выбрались под навесной перрон под видом рабочих по уборке территории, взяв с собой куски разбитого кирпича. Первыми выползли я и Шихов. Отошли уже на значительное расстояние, как вдруг три немца настигли нас и с криком «хальт!», избивая прикладами, погнали к навесному перрону, где уже находились все гражданские, вышедшие из подвала... Взяв себя в руки, я повернул голову и посмотрел на нашу шеренгу. Только здесь я подсчитал, сколько нас оставалось во второй группе — 27 человек, в том числе две женщины, работавшие в дистанции связи, — телеграфистка Мария Триггер и телефонистка Оля Кривцова. Вид у нас был нечеловеческий. После почти четырех суток в воде, тело и руки были сморщенными и грязными, виднелись одни губы и глаза. Все были истощенными, обросшими и потому казалось, что все мы похожи друг на друга.

До сегодняшнего дня неизвестно, оставался ли кто-нибудь в подвалах после выхода этой группы. Во время реконструкции вокзала в начале 50-х гг. при разборке стены и дымовой трубы старой котельной были обнаружены останки четырех человек. Сохранилось оружие, авиационные эмблемы, воинские пуговицы.

Стойкость защитников вокзала вызывала уважение даже у их врагов. В уже упоминавшейся книге Отто Скорцени Сергей Смирнов нашел такую запись:

«Войска противника сосредоточились в глубоких вокзальных подвалах и отказывались сдаваться. Как я узнал позже, пришлось затопить подвалы, так как оказались неудачными все другие попытки взять вокзал».

К сожалению, не установлены имена и фамилии всех погибших при обороне вокзала. Среди погибших и умерших от ран были А.Д. Го-

ловко, А.Я. Климук, П.И. Довженюк, И.Т. Назин, Л.Д. Елин, В.Н. Соболев, Г.А. Ефремов. Архивные сведения подтверждают гибель в плену П.П. Баснева и А.М. Сидоркова.

Во втором томе книги «Память» мы находим справку о Василии Николаевиче Соболеве, родившемся в 1902 г. в деревне Большие Соболи Кировской области. С ноября 1939 г. он возглавлял отдел приема и увольнения 2-го отдела движения станции Брест-Литовск. При обороне вокзала 22.06.1941 г. был ранен, вместе с Л.Д. Елиным отправлен в железнодорожную больницу, где умер в тот же день. Похоронен в братской могиле во дворе больницы по улице Кижеватова вместе с Л.Д. Елиным. В этой же братской могиле было похоронено еще 7–8 человек.

Среди защитников вокзала, которым удалось выйти из окружения, были старший лейтенант милиции А.С. Артеменко, отдавший жизнь в боях под Сталинградом, сержант милиции Ф.И. Ермолаев, погибший под Ленинградом, милиционер М.Г. Козловский, похороненный под Варшавой. В 1944 г. погибли М.С. Добролинский и Ф.С. Ярошик.

Многие железнодорожники и сотрудники милиции были арестованы и расстреляны в первые дни июля 1941 г. и в последующие годы немецкой оккупации. Среди них Г.Л. Бершак, А.Я. Воробьев, Б.Г. Иванов, М.П. Лебедев, А.Е. Силверстов, К.И. Трапезников.

В 1961 г. на Московской стороне была установлена мемориальная доска в память героической обороны вокзала. В марте 1978 г. ее текст был дополнен новыми сведениями об обороне вокзала и новыми именами его защитников.

В дни празднования 60-летия Великой Победы на западном фасаде вокзала была установлена мемориальная доска, увековечившая память железнодорожников-защитников вокзала. Тем самым, была восстановлена историческая справедливость. Брестский вокзал не забыл железнодорожников, которые встретили войну здесь, на своем рабочем месте, и мужественно выполнили свой долг.

Скажем несколько слов о каждом, чьи имена выбиты на мемориальной доске.

Елин Лев Давыдович, 1902–1941 гг., уроженец города Камышин Волгоградской области. В

июне 1941 г. начальник Брестского отделения Брест-Литовской железной дороги. Руководил действиями железнодорожников в первые часы войны. Был тяжело ранен во время боя за вокзал. Скончался от полученных ран 22 июня 1941 г. в железнодорожной больнице.

Иванов Борис Григорьевич, 1901–1941 гг., родившийся в Пскове. В июне 1941 г. работал старшим диспетчером станции Брест-Центральный. Согласно одним свидетельствам он был убит в первые минуты боя за вокзал, по другим — 22-го июня был ранен, в начале июля арестован фашистами во время облавы на советских работников.

Лебедев Михаил Николаевич, 1905–1941 гг. Родился в деревне Рыбино Ярославской области. В 1941 г. был главным бухгалтером Брестского отделения движения. Участник обороны вокзала. 25 июня вырвался из подвалов, а в начале июля был арестован во время облавы и расстрелян в окрестностях Бреста.

Мартыненко Михаил Петрович, 1912–1978 гг., к моменту начала войны возглавлял Брестскую дистанцию сигнализации и связи. Участник обороны вокзала с 22 по 29 июня 1941 г. В годы немецкой оккупации был политруком партизанского отряда имени Сергея Лазо. После освобождения Белоруссии продолжал работать на железнодорожном транспорте. Награжден орденами и медалями.

Ширшов Петр Иванович, 1905–1941 гг., в июне 1941 г. был диспетчером станции Брест-Центральный. Участник обороны вокзала. После выхода из подвалов 29 июня 1941 г. его след теряется.

Шихов Алексей Петрович, 1912–1996 гг., в 1941 г. поездной диспетчер Брестского отделения. В ночь на 22 июня находился на дежурстве. Участник обороны вокзала с 22 по 29 июня 1941 г. В годы оккупации член подпольной организации, участник партизанского движения. После войны продолжал работать на железнодорожном транспорте.

Пусть простят нас все те участники обороны Брестского вокзала, о ком мы не смогли рассказать, но чья жизнь навсегда осталась связанной с ним.

Редакция благодарит за помощь в организации материала В.А. ШОБА, директора музея истории Белорусской железной дороги